

сказывание лишь относительно в своих возможностях, единого нормативного эталона не существует. Разные высказывания об одном и том же предмете неэквивалентны и дополняют друг друга, их различия не сводятся только к форме, поскольку в языке нет «чистой» формы, как и нет «чистого» содержания. «В языке ничто не бывает безразличным, и даже малые изменения в форме и сочетании слов меняют выражение... В языке нет полных синонимов» [14, с. 246].

Поэтическая речь как особая форма выражения обретала тем самым смысл не только как «украшенная» речь, но и как особая область языковой деятельности, обладающая своими познавательными возможностями. Более того, как это ни парадоксально, но именно ее «непрямой» характер, бывший до того камнем преткновения, давал ей, по мнению романтиков, особые преимущества перед непоэтической речью. Всякое прямое высказывание, считали они, ограничено в силу своей замкнутости, точно обозначенных границ. Чем больше язык приближается к «точному» стабилизированному выражению, тем резче сужаются его познавательные возможности. «Для сообщения определенных мыслей очень уместна определенная система слов, или терминология, где значения полностью фиксированы, как это бывает разве что в мертвых языках, почему из них и предпочитают черпать термины» [19, с. 48—49]. Но универсальные потребности живого общения не могут быть удовлетворены с помощью такого рода ограниченных средств. Поэтическое же высказывание символично, разомкнуто, открыто для толкования и потому позволяет в конечном счете отразить, пусть «непрямо» и «неточно», бесконечный и открытый характер действительности: «Каждое произведение искусства — намек на бесконечность», — писал Ф. Шлегель [20, с. 446]. Только в поэтической речи возможно если не выразить, то по крайней мере как-то указать на то «невыразимое», что остается за пределами непоэтической речи, поэтому «всякое истинное общение символично» [16, с. 354].

Поэзия была в представлении ранних романтиков уникальным способом освоения действительности, способом наиболее универсальным и потому наиболее важным; не случайно Новалис утверждал, что «поэт понимает природу лучше, чем ученый» [16, с. 710], а Ф. Шлегель рассматривал поэзию как «первое и высшее явление среди искусств и наук» [19, с. 7]. Поэзия становилась тем самым важнейшей составной частью культуры, она «настолько глубоко коренится в человеке, что даже в самых неблагоприятных условиях она время от времени произрастает в диком виде» [17, с. 331].

Романтики рассматривали язык как деятельность, и поэтому для них было очевидно, что «желание окончательно закрепить язык с помощью соглашений — столь же непозволительное предприятие, как если бы кто-нибудь потребовал, чтобы живой организм не изменял состав и образ своих членов» [14, с. 257]. Каждое высказывание было для них потенциально творческим актом, а язык в целом — постоянным творчеством, ибо «богатство языка заключено не столько в числе имеющихся слов, сколько в способности развиваться из собственных средств» [21, с. 65]. Язык, понятый как творчество, становится тем самым искусством, поскольку для романтиков всякое творчество было художественным, всякое созидание — проявлением искусства (даже мир они называли «вечно творящим само себя произведением искусства» [17, с. 324]). В то же время поэзия, понимаемая как особый путь познания и общения, оказывалась подобной языку. Такое сближение позволило романтикам отождествить язык и поэзию, в результате они могли рассматривать язык как поэзию, а поэзию — как своего рода язык. Это требовало более четкого определения соотношений между языкознанием и поэтикой.

Уподобление поэзии языку открывало возможность построения поэтики по образцу языкознания. Неоднократные попытки такого рода предпринимались в наше время (см., например, [22]). Однако романтики по